

ТОМАС МАНН

БУДДЕНБРОКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 812.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
М23

Серия «Эксклюзивная классика»

Thomas Mann
BUDDENBROOKS

Перевод с немецкого *Н. Ман*

Перевод стихов *А. Глобы*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main.

Манн, Томас.

М23 Будденброки : [роман] / Томас Манн ; [пер. с нем. Н. Ман]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 800 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-105069-6

Жемчужина творческого наследия Томаса Манна.

Едва ли не лучший роман в жанре «семейной саги» немецкоязычной прозы.

История взлета и падения богатой и могущественной семьи Будденброк, на первый взгляд словно воплощающей в себе идеал германских добродетелей.

История трех поколений представителей этого клана — от властного и безжалостного патриарха до его внуков, уже подверженных всем порокам и слабостям интеллектуалов.

История любви и предательства, вражды и интриг, борьбы и зависти, иступленной страсти — и глущей ненависти...

УДК 812.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© S. Fischer Verlag, Berlin, 1901

© Перевод Н. Ман, наследники, 2018

© Перевод стихов А. Глоба, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105069-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

— «Что сие означает?.. Что сие означает?..»

— Вот именно, черт возьми, *c'est la question, ma très chère demoiselle!**

Консульша Будденброк, расположившаяся рядом со свекровью на длинной белой софе с сиденьем, обтянутым желтой шелковой тканью, и спинкой, увенчанной золоченой головою льва, бросила быстрый взгляд на супруга, сидевшего тут же в креслах, и поспешила на помощь дочке, которая примостилась на коленях у деда, поближе к окну.

— Тони, — подсказала она, — «Верую, что Господь Бог...»

Маленькая Антония, хрупкая восьмилетняя девочка в платьице из легчайшего переливчатого шелка, чуть отвернув белокурую головку от лица деда и напряженно вглядываясь в пустоту серо-голубыми глазами, повторила еще раз: «Что сие означает?» — затем медленно произнесла: «Верую, что Господь Бог...» — вдруг с прояснившимся лицом быстро добавила: «...создал меня вместе с прочими тварями», — и, войдя в привычную колею, вся так и светясь радостью, единым духом выпалила весь член катехизиса, точно по тексту издания 1835 года, только что выпущенного в свет с соизволения высокоумудрого сената.

* В том-то и вопрос, дорогая моя барышня! (*фр.*)

«Когда уж разойдешься, — думала она, — то кажется, будто несешься с братьями на салазках с Иерусалимской горы. Все мысли вылетают из головы, и хочешь не хочешь, а нельзя остановиться».

— «К тому же: платье и обувь, — читала она, — пищу и питье, дом и двор, жену и детей, землю и скот...»

Но при этих словах старый Иоганн Будденброк неожиданно разразился смехом, вернее — хихикнул, громко и саркастически; этот смешок он уже давно держал наготове. Старика радовало, что вот опять удалось потешиться над катехизисом, — цель, ради которой, вероятно, и был учинен весь этот домашний экзамен. Он тут же осведомился о количестве земли и скота у Тони, спросил, почем она продает мешок пшеницы, и предложил незамедлительно вступить с ней в торговую сделку. Его круглое розовое лицо, которому он при всем желании не умел придать выражения суровости, обрамлялось белыми как снег, напудренными волосами, а на широкий воротник мышино-серого сюртука спускалось некое подобие косички. В семьдесят лет он все еще хранил верность моде своей юности, и хотя отказался от галунов между пуговицами и большими карманами, но длинных брюк в жизни не нашивал. Его широкий двойной подбородок уютно покоился на кружевном жабо.

Все стали вторить его смеху, — надо думать, из почтения к главе семьи. Мадам Антуанетта Будденброк, в девичестве Дюшан, захихикала совершенно как ее супруг. Эта дородная дама с тугими белыми буклями, спускавшимися на уши, в простом черном платье со светло-серыми полосами — что свидетельствовало о ее врожденной скромности, — держала в белоснежных, все еще прекрасных руках маленький бархатный мешочек-«помпадур». Черты ее лица с течением времени стали до странности схожи с чертами мужа. Только разрез и живость темных глаз выдавали ее полуроманское проис-

хождение: уроженка Гамбурга, она со стороны деда происходила из франко-швейцарской семьи.

Ее невестка, Элизабет Будденброк, урожденная Крегер, смеялась тем крегеровским хохотком, который начинался неопределенным шипящим звуком; смеясь, она прижимала к груди подбородок. Как все Крегеры, консульша отличалась величавой осанкой, и хоть и не была красавицей, но ее чистый, ровный голос, ее спокойные, уверенные и мягкие движения радовали всех и каждого своей чинной неторопливостью. Рыжеватые волосы, на макушке уложенные в маленькую корону и крупными локонами спускающиеся на уши, превосходно гармонировали с нежной белизной ее кожи, на которой здесь и там проступали крохотные веснушки. Наиболее характерным в ее лице с несколько длинным носом и маленьким ртом было полное отсутствие углубления между нижней губой и подбородком. Коротенький лиф с пышными буфами на рукавах, пришитый к узкой юбке из легкого, в светлых цветочках, шелка, оставлял открытой прекрасную шею, оттененную атласной ленточкой со сверкающим бриллиантовым аграфом посередине.

Консул нервно заерзал в креслах. Он был одет в светло-коричневый сюртук с широкими отворотами, с рукавами, пышными наверху и плотно облегающими руку от локтя до кисти, и в узкие белые панталоны с черными лампасами. Плотный и широкий шелковый галстук, обвивая высокие стоячие воротнички, в которые упирался его подбородок, заполнял собою весь вырез пестрого жилета. Глаза консула, голубые и довольно глубоко посаженные, внимательным выражением напоминали глаза его отца, но казались более задумчивыми; серьезнее, определеннее были и черты его лица — нос с горбинкой сильно выдавался вперед, а щеки, до половины заросшие курчавыми белокурыми баками, были значительно менее округлы, чем щеки старика.

Мадам Будденброк слегка дотронулась до руки невестки и, уставившись ей в колени, тихонько засмеялась.

— Он неизменен, *mon vieux!** Не правда ли, Бетси? — Она выговаривала: «неизмэнен».

Консульша только слабо погрозила своей холеной рукой, на которой тихонько звякнули браслеты, и затем этой же рукой — излюбленный ее жест! — быстро провела по щеке от уголка рта ко лбу, словно откидывая непокорную прядь волос.

Но консул, подавляя улыбку, произнес с легким укором:

— Папа, вы опять потешаетесь над религией...

Будденброки сидели в «ландшафтной», во втором этаже просторного старинного дома на Менгштрассе, приобретенного главой фирмы «Иоганн Будденброк», куда совсем недавно перебралось его семейство. На добротных упругих шпалерах, отделенных от стен небольшим полым пространством, были вытканы разнovidные ландшафты таких же блеклых тонов, как и чуть стершийся ковер на полу, — идиллии во вкусе XVIII столетия, с веселыми виноградарями, рачительными хлебопашцами, пастушками в кокетливых бантах, сидящими на берегу прозрачного ручья с чистенькими овечками на коленях или целующимися с томными пастушка́ми... Все это, за редким исключением, было изображено на фоне желтоватого заката, весьма подходившего к желтому штофу лакированной белой мебели и к желтым шелковым гардинам на окнах.

Большая ландшафтная была меблирована относительно скупо. Круглый стол на тонких и прямых ножках, с золотым орнаментом, стоял не перед софой, а у другой стены, напротив маленькой фисгармонии, на крышке которой лежал футляр с флейтой. Кроме кресел, чопорно расставленных вдоль стен, здесь еще был маленький ра-

* Мой старик! (*фр.*)

бочий столик возле окна, а около софы — хрупкий изящный секретер, уставленный безделушками.

Против окон, в полутьме, сквозь застекленную дверь виднелись колонны, ротонда; белая двустворчатая дверь по левую руку вела в большую столовую, а направо, в полукруглой нише, стояла печь; за ее искусно сработанной и до блеска начищенной кованой дверцей уютно потрескивали дрова.

В этом году рано наступили холода. За окнами, на другой стороне улицы, уже совсем пожелтела листва молодых лип, которыми был обсажен церковный двор; ветер завывал среди могучих стрельчатых башен и готических шпилей Мариенкирхе, моросил холодный дождь. По желанию мадам Будденброк-старшей в окна уже были вставлены вторые рамы.

Согласно заведенному порядку, Будденброки каждый второй четверг собирались вместе. Но сегодня, кроме всех членов семьи, проживавших в этом городе, приглашение запросто отобедать получили еще несколько друзей дома. Время близилось к четверем часам, Будденброки сидели в сгущающихся сумерках и ждали гостей.

Маленькая Антония все «неслась на салазках», не позволяя деду прервать себя, и только ее оттопыренная верхняя губка быстро-быстро выставлялась над нижней. Вот санки уже подлетели к подножию Иерусалимской горы, но, не в силах остановить их, она помчалась дальше...

— Аминь, — сказала она. — Я еще и другое знаю, де-душка.

— Tiens!* Она знает еще и другое! — воскликнул старик, делая вид, что его снедает любопытство. — Ты слышишь, мама? Она знает еще и другое! Ну кто мог бы сказать...

— Если теплый удар, — говорила Тони, кивая голов-

* Каково! (фр.)

кой при каждом слове, — так, значит, это молния; а если холодный удар, так, значит, — гром.

Тут она скрестила руки и окинула смеющиеся лица родных взглядом человека, уверенного в своем успехе. Но г-н Будденброк вдруг рассердился на ее премудрость и стал допытываться, кто набил голову ребенка таким вздором. А когда выяснилось, что это Ида Юнгман, недавно приставленная к детям мамзель из Мариенвердера, то консулу пришлось взять бедную Иду под свою защиту.

— Вы слишком строги, папа. Почему бы в ее возрасте и не иметь своих собственных, пусть фантастических, представлений обо всем этом?..

— Excusez, mon cher, mais c'est une folie!* Ты же знаешь, что я терпеть не могу, когда детям забивают мозги чепухой! Как? Гром? Да чтоб ее самое громом разразило! Оставьте меня в покое с вашей пруссачкой...

Старый Будденброк не выносил Иду Юнгман. Он не был ограниченным человеком и немало повидал на своем веку. Еще в 1813 году ему довелось (в карете, запряженной цугом) объездить Южную Германию, где он, будучи военным поставщиком, закупал хлеб для прусской армии, а позднее побывать в Париже и в Амстердаме. Почитая себя человеком просвещенным, он отнюдь не был склонен осуждать все, что находилось за воротами его родного готического городка. Но при всем том, если не говорить о его разнообразных торговых связях, был значительно строже в выборе знакомых, чем его сын, консул Будденброк, и куда менее охотно сближался с «чужестранцами». Посему, когда его дети, вернувшись из поездки в Западную Пруссию, привезли с собой упомянутую двадцатилетнюю девицу, сироту, дочь трактирщика из Мариенвердера, умершего за несколько дней до прибытия туда молодых Будденброков, консу-

* Уж прости, дорогой, но это вздор! (*фр.*)

лу пришлось выдержать нешуточную сцену с отцом, во время которой старик говорил только по-французски и по-нижненемецки... Вообще же Ида Юнгман, усердная экономка и отличная воспитательница, благодаря своему врожденному такту и прусскому чиновничеству как нельзя лучше пришлась ко двору в семействе Будденброков. Преисполненная самых аристократических воззрений, эта особа с неподражаемой тонкостью различала высший свет от просто света, среднее сословие — от пониже среднего, гордилась своей преданной службой людям столь высокопоставленным и бывала очень недовольна, если Тони заводила дружбу с какой-нибудь из своих одноклассниц, принадлежавшей, по мнению мамзель Юнгман, разве что к верхушке среднего сословия.

Легкая на помине, она в эту минуту как раз промелькнула за стеклянной дверью в ротонде и вошла в ландшафтную. Рослая, сухопарая, в черном платье, гладко причесанная и с добродетельным выражением лица, она вела за руку маленькую Клотильду — необыкновенно худенькую девочку в пестром ситцевом платьице, с тусклыми пепельными волосами и постным личиком старой девы. Клотильда — отпрыск боковой и совершенно немимущей линии, тихое, малозаметное существо, взятая в дом как сверстница Антонии, была дочерью племянника старого Будденброка, управляющего небольшим имением под Ростоком.

— Стол накрыт, — объявила мамзель Юнгман, при этом «р», которое она в детстве вовсе не умела произносить, как-то странно пророкотало в ее глотке. — Клотильда так усердно помогала на кухне, что Трине почти не осталось работы.

Господин Будденброк ухмыльнулся в свое жабо («иноземное» произношение Иды неизменно сместило его),

консул же потрепал племянницу по щечке и одобрительно заметил:

— Молодец, Тильда! Недаром говорится: трудись и молись! Нашей Тони следовало бы брать с тебя пример, — ее частенько одолевают лень и гордыня...

Тони опустила головку и снизу вверх поглядела на деда, зная, что он непременно вступится за нее.

— Э, нет! Так не годится, — сказал старик. — Голову выше. Тони, courage!* Каждому свое. Заметь себе: одинаковых людей не бывает. Тильда — хорошая девочка, но и мы не плохи. J'ai raison**, Бетси?

Он обернулся к невестке, которая обычно соглашалась с его мнениями, тогда как мадам Антуанетта, скорее из благоразумия, чем по убеждению, всегда становилась на сторону консула. Так оба поколения, словно в chass croise***, протягивали друг другу руки.

— Вы очень добры к ней, папа, — сказала консульша. — Ну, Тони постарается стать умной и трудолюбивой... Что, мальчики еще не пришли из школы? — спросила она Иду.

Но в это время Тони, которая все еще сидела на коленях у деда и смотрела в «шпиона», воскликнула:

— Том и Христиан идут по Иоганнесштрассе... И господин Гофштеде... и дядя доктор тоже...

Тут колокола на Мариенкирхе заиграли хорал — динь! динь! дон! — не очень стройно, так что с трудом можно было разобрать, что, собственно, они вызванивают, но все же торжественно и гулко. А когда затем вступили маленький и большой колокола, радостно и величаво оповещая город, что вот уже четыре часа, — внизу, у обитой войлоком парадной двери, задрезжал колокольчик,

* Смелее! (фр.)

** Не так ли (фр.).

*** Крест-накрест — па в кадрили (фр.).

и действительно вошли Том и Христиан вместе с первыми гостями: Жан-Жаком Гофштеде — поэтом и доктором Грабовым — домашним врачом.

Глава вторая

Господин Гофштеде, местный поэт, уж наверное, принесший с собой стишки по случаю сегодняшнего обеда, был всего на несколько лет моложе г-на Будденброка-старшего и носил костюм того же старинного покроя: зеленый сюртук, в который он сегодня облекся, только по цвету разнился от сюртука его старшего друга. Более худой и подвижный, нежели Иоганн Будденброк, г-н Гофштеде обращал на себя внимание живостью маленьких зеленоватых глаз и на редкость острым длинным носом.

— Приношу сердечную благодарность, — сказал он, пожав руки мужчинам и щегольнув перед дамами (в особенности перед консульшей, которую он почитал превыше всех остальных) парочкой-другой изысканнейших комплиментов, какие уже не умело отпускать новейшее поколение, и к тому же сопровождаемых приятнейшей и приветливейшей улыбкой. — Приношу сердечную благодарность за любезное приглашение, друзья мои. Эти два молодых человека, — он указал на Тома и Христиана, стоявших подле него в синих курточках с кожаными поясами, — повстречались нам, мне и доктору, на Кенигштрассе, по которой они возвращались со своих учебных занятий. Отличные ребята, госпожа консульша! Томас — о, это серьезный, положительный ум! Не подлежит сомнению, что он станет негоциантом. Христиан же — тот, напротив, чуть-чуть шарлатан, а? Чуть-чуть *incroyable**. Но я не скрываю своего *engouement*** к нему.

* Оригинал (фр.).

** Пристрастия (фр.).

Он пойдет по ученой части: ум у мальчика острый, — великолепные задатки!..

Господин Будденброк запустил два пальца в свою золотую табакерку:

— Обезьяна он! Может, ему стать поэтом? А, Гофштеде?

Мамзель Юнгман плотно задвинула занавеси на окнах, и мгновение спустя комнату озарил слегка дрожащий, но покойный и отрадный для глаза свет от многочисленных свечей в хрустальной люстре и в канделябрах, стоявших на секретере.

— Ну, Христиан, — обратилась к сыну консульша; волосы ее блеснули золотом, — чем вы занимались сегодня после обеда?

Выяснилось, что последними уроками были чистописание, арифметика и пение.

Христиан, семилетний мальчуган, уже сейчас до смешного походил на отца. Те же небольшие, круглые, глубоко посаженные глаза, та же, теперь уже различимая, линия большого горбатого носа; что-то неуловимое в очертаниях скул свидетельствовало о том, что его лицо недолго будет хранить свою детскую округлость.

— Мы ужас как смеялись сегодня! — словоохотливо начал Христиан, и глаза его забегали. — Послушайте, что господин Штенгель сказал Зигмунду Кестерману! — Мальчик весь как-то сгорбился, тряхнул головой и, обратив свой взор в пространство, внушительно проговорил: — «Внешность, милое мое дитя, у тебя чинная и благопристойная, но душа, милое дитя, — душа у тебя черная...» — Последнее слово он произнес картаво, так что выходило «тшойная», и его лицо при этом со столь неподражаемым комизмом изобразило отвращение к «внешней» чинности и благопристойности, что все присутствующие разразились хохотом.

— Обезьяна он! — сдерживая смех, повторил старый Будденброк.

Господин Гофштеде был вне себя от восторга.

— Charmant!* — вскричал он. — Бесподобно! Надо знать Марцеллуса Штенгеля! Ну точь-в-точь! Нет, это прелестно!

Томас, начисто лишенный подражательного дара, стоял рядом с братом и, не испытывая к нему ни малейшей зависти, только от души смеялся. Зубы у него были не очень хороши — мелкие и желтоватые, но зато нос отличался на редкость благородной формой; глазами и овалом лица он сильно напоминал деда.

Гости и хозяйева сидели кто в креслах, кто на софе, болтая с детьми, обмениваясь впечатлениями о новом доме, о рано наступивших холодах. Г-н Гофштеде, стоя у секретера, любовался великолепной чернильницей севрского фарфора в виде муругой охотничьей собаки. Доктор Грабов, ровесник консула, с благодушной улыбкой на длинном добром лице, выглядывавшем из поросли жидких бакенбардов, рассматривал пирожные, булочки с изюмом и всевозможные солонки, выставленные напоказ гостям. То была «хлеб-соль», которой друзья и родственники обильно одарили Будденброков по случаю новоселья. А дабы каждому было ясно, что дары исходят из богатых домов, роль хлеба здесь выполняло сладкое, пряное и сдобное печенье, а соль была насыпана в массивные золотые солонки.

— Да, работы у меня будет немало, — сказал доктор, глядя на эти сласти, и погрозил детям пальцем. Затем, покачав головой, взвесил на руке тяжелый золотой судок для соли, перца и горчицы.

— От Лебрехта Крегера, — сказал г-н Будденброк с насмешливой улыбкой. — Он неизменно щедр, мой любезный сват! Я ему ничего подобного не даривал, когда он выстроил себе летний дом за Городскими воротами. Но...

* Очаровательно! (*фр.*)

что поделаешь: благородные замашки! Широкая натура! Вот уж в полном смысле *cavalier à la mode**.

Колокольчик у дверей прозвенел на весь дом. Явился пастор Вундерлих, приземистый пожилой господин в длиннополом черном сюртуке, белолицый, веселый, добродушный, с блестящими серыми глазами и со слегка припудренной шевелюрой. Он уже много лет вдовел и привык считать себя холостяком, таким же, как долговязый маклер Гретъенс, пришедший вместе с ним, который то и дело прикладывал к глазам сложенные трубою руки, точно рассматривал картину: он был общепризнанный ценитель искусства.

Вслед за ними прибыли сенатор доктор Лангхальс с женой, давние друзья дома, и виноторговец Кеппен, большеголовый, с красным лицом, торчавшим между высокими буфами рукавов, в сопровождении своей де-белой супруги.

Уже пробило половина пятого, когда наконец явились Крегеры — старики и молодые: консул Крегер с женой и сыновьями, Якобом и Юргеном, одноплетками Тома и Христиана. Почти одновременно с ними вошли родители консульши Крегер — оптовый лесоторговец Эвердик с женой; нежные супруги, и сейчас еще при всех именовавшие друг друга альковными кличками.

— «Важные господа не спешат никогда», — произнес консул Будденброк и склонился к руке тещи.

— Но зато в полном сборе. — С этими словами Иоганн Будденброк широким жестом указал на многолюдную крегеровскую родню и пожал руку старику Крегеру.

Лебрехт Крегер, *cavalier à la mode*, высокий, изысканный господин, хотя и продолжал слегка припудривать волосы, но одет был по последней моде. На его бархат-

* Светский лев (*фр.*).

ном жилете сверкали два ряда пуговиц из драгоценных камней. Юстус, его сын, носивший маленькие бакенбарды и высоко подкрученные усы, фигурой и манерами очень походил на отца; даже движения рук у него были такие же округлые и грациозные.

Никто не спешил садиться, все стояли в ожидании, лениво ведя предобеденный разговор. Но вот Иоганн Будденброк-старший предложил руку мадам Кеппен и громко провозгласил:

— Ну-с, надо думать, что у всех уже разыгрался аппетит, а посему, *mesdames et messieurs...**

Мамзель Юнгман и горничная распахнули белую дверь в большую столовую, и общество неторопливо направилось туда в приятной уверенности, что уж где-где, а у Будденброков гостей всегда ждет лакомый кусочек...

Глава третья

Когда все шествие двинулось в столовую, младший хозяин схватился за левый нагрудный карман своего сюртука, — там хрустнула какая-то бумага, — и любезная улыбка, внезапно сбежавшая с его лица, уступила место озабоченному, удрученному выражению; на висках у него напряглись и заиграли жилки, как у человека, крепко стиснувшего зубы. Для виду сделав несколько шагов по направлению к двери, он отступил в сторону и отыскал глазами мать, которая в паре с пастором Вундерлихом замыкала процессию и уже готовилась переступить порог столовой.

— *Pardon*, милый господин пастор... На два слова, мама.

Пастор благодушно кивнул, и консул Будденброк увлек старую даму обратно к окну ландшафтной.

* Милостивые государыни и государи... (*фр.*)